

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Литературный путь Анатолия Азольского (1930–2008) не был прямым и простым. Азольский пришел в литературу, когда ему уже было за тридцать и за плечами имелся суровый опыт человека, служившего на флоте и отдавшего годы морскому делу. Он командовал тральщиком на Москве-реке, затем ушел в рядовые инженеры, и лишь с 1965 года начал печататься. Впрочем, печатали его недолго — в 1968 году Азольский принес в редакцию «Нового мира» роман «Степан Сергеич», который надолго закрыл ему дорогу в любые редакции, оттого что написан был остро и не соответствовал представлениям чиновников о порядках в советском учреждении. Больше двадцати лет Азольский писал в стол, зато когда в 1987 году «Степан Сергеич» все же вышел под обложкой «Нового мира», он в одночасье сделался признанным автором. Вслед за «Степаном Сергеичем» пошли и другие, не менее острые произведения. «Затяжной выстрел», «Лишний», «Лопушок», «Клетка», «Женитьба по-балтийски» — эти вещи выстреливали как снаряды из артиллерийских орудий, с которыми Азольский имел дело на флоте. Он много писал о взаимоотношениях личности с «системой» (спецслужбами, начальством, законодательной и исполнительной властью)... Герои Азольского не гнулись под бременем репрессий, сохраняя внутреннюю свободу в столкновении с режимом, а поиски

правых и виноватых не оборачивались однозначным решением. На войну автор сумел посмотреть так, как до него никому не удавалось. Лучшее доказательство тому — роман «Диверсант», полюбившийся многим в том числе благодаря одноименному телесериалу.

Первые четыре серии, поставленные Андреем Малюковым, вышли на экраны в 2004 году. Они стали настолько популярными, что в 2007-м появилось продолжение, снятое Игорем Зайцевым. Главные роли сыграли Алексей Бардуков, Кирилл Плетнев, Владислав Галкин, Александр Лыков и Владимир Меньшов. Участие Галкина, Лыкова и Меньшова обеспечило фильму высокие рейтинги, и все-таки фильм очень сильно отличается от романа. Отличается прежде всего по духу; роман Азольского весь пронизан неуловимой иронией по отношению к героям. К тому же, создавая роман, Азольский ставил перед собой совсем иные задачи, нежели авторы сериала. Филигранный язык писателя и его задорный посыл воспроизвести на пленке было попросту невозможно.

Корнями «Диверсант» Азольского уходит в самые неожиданные литературные эпохи. Предшественниками его героев можно назвать и персонажей испанского плутовского романа, например анонимного «Жизнь Ласарильо с Тормеса: его невзгоды и злоключения» (1554), или романов эпохи барокко, например «Симплициссимуса» Г. Я. К. Гриммельсгаузена (1669). И уж, конечно, говоря о «Диверсанте», нельзя не вспомнить «Трех мушкетеров» Александра Дюма (1844); этот роман Азольский не раз и не два напрямую цитирует в своем тексте.

Завязка «Диверсанта» несложна. Пятнадцатилетний Леня Филатов бежит из дома, чтобы пробраться на фронт. В пути он встречается несколькими годами старшего Алешу Бобрикова, паренька с таинственной биографией. Вместе они добираются до военкомата, где их зачисляют в довольно необычное подразделение, которое условно можно назвать спецслужбой. Им определяют командира —

старшего лейтенанта Григория Ивановича Калтыгина. Позже к ним присоединяется инструктор, чье имя засе-крено; Ляня и Алеша дают ему прозвище Чех. Начинается тяжелая работа — новоиспеченные друзья совершают вылазки за линию фронта, где им приходится выполнять очень непростые задания; такие, на которые способны лишь самые крепкие и выносливые бойцы. Начинаются приключения.

Поначалу наши герои полны иллюзий. Они еще не хлебнули лиха. Они мечтают попасть в Берлин, им нужно войти туда гордым шагом завоевателей. Алеша все время твердит о доме № 10 по улице Ляйпцигерштрассе; что-то его туда тянет, но до поры автор делает из этого тайну. Леонид тоже теряется в догадках насчет желания Алеша, однако долго над этим голову не ломает. Его мысли пока что ничем не омрачены. «Наш путь лежал к Берлину, мы пошли поэтому в сторону падающего солнца. Каждый шаг приближал нас к победе, я был уверен: погибну героически, но так погибну, что останусь в живых!»

Приключения, выпавшие на долю Лени и Алеша, описаны автором лихо и увлекательно. Однако с каждым новым заданием друзья все больше разочаровываются в том, что им приходится делать. Причин тому несколько. Во-первых, слишком уж бескомпромиссны их поступки. Оно и понятно: на войне компромиссов быть не может, и тем не менее в какой-то момент Ляня едва не сходит с ума: ему повсюду мерещатся трупы. Благодаря Чеху, знающему целебные свойства трав, он вылечивается, но былого энтузиазма в нем уже нет. Во-вторых, что бы ни делали Ляня и Алеша, за ними неминуемо маячат тени начальства. После каждой вылазки друзей проверяют, и проверки эти унижительны. Получается, что они воюют на два фронта. На этом моменте нужно заострить внимание, потому что Азольский выводит очень любопытный тип начальника: человека, ратующего за победу, но в душе беспросветного перестраховщика.

Выясняется, что такому перестраховщику вовсе не нужны ценные сведения, которые приносят его бойцы из-за линии фронта. Ему привычнее воевать по правилам. А секретные документы, добытые разведчиками-диверсантами, вынуждают его эти правила менять.

Однажды Леня, Алеша и их командир Григорий Иванович ценой невероятных усилий знакомятся с планом очередного наступления немцев. Дело в том, что им удастся на время выкрасть карту у некоего немецкого офицера. Они не могут оставить карту себе, поскольку немцы, хватившись ее, изменят свои планы. Карту нужно запомнить, а потом подsunуть обратно в портфель к офицеру. Они так и делают. Но, вернувшись к своим, сталкиваются с теми самыми перестраховщиками, которые не желают заново перестраивать линию наступления.

Каждого из друзей по отдельности допрашивают. Каждому пытаются внушить, что двое других сознались в том, что добытые сведения неверны. Разумеется, после такой проверки друзья начинают сомневаться в собственной незаменимости. Стоит ли воевать там, где командует перестраховщик?

«Долго и горько говорили мы в саду. До самого конца войны длился этот разговор, только перед Берлином дошло до нас, что все задания либо перевыполнялись, либо невыполнялись, что война — это часть жизни, если не вся жизнь, которую никогда не объяснишь, она никогда не удастся, и как не знает ребенок того, что будет с ним в старости, так и разведчик, приступая к операции, обязан готовиться к худшему и доверять только себе, жить текущим днем, уповая на сегодняшнюю луну и завтрашнее солнце, если оно, конечно, засияет!..»

И все же не все начальники таковы. В конечном счете истина торжествует. Вероятно, ради этой истины и стоило, не жалея сил, совершать бесконечные вылазки и диверсии. Алеша и Леня теряют иллюзии, но становятся матерыми бойцами. Говоря об этом, автор на первый план выводит их ин-

структора — человека без имени и званий. Человека, внешне ничем не приметного. Его можно запомнить только по случайному и ни к чему не обязывающему прозвищу — Чех.

Такого героя, как Чех, до поры не существовало в военной литературе. Он целиком и полностью плод воображения Азольского. Скорее всего, таких людей вообще нет в природе. Чех — супермен в прямом смысле этого слова. Он тренирует группу бойцов — Леонида, Алешу и Григория Ивановича. Его методики не характерны ни для 40-х годов, ни даже для нашего времени. Создается впечатление, что Чех до войны жил в горном китайском монастыре, где практиковал не только единоборства и аскетизм, но и медитации, и все, что им сопутствует. Он учит своих подопечных чему-то вроде гипноза. Перед тем как напасть на противника, нужно внушить ему мысль, что он уже проиграл. Нужно заставить себя поверить, что видимая тобой реальность полностью тебе подвластна. И тогда ты станешь неуязвим. Чех утверждает, что человека, овладевшего подобной техникой, невозможно даже застрелить из автомата — раны на нем затянутся, потому что он просто прикажет им затянуться. Разумеется, Чех не ведает страха. Он ведь умеет не только сражаться, но и может сохранять спокойствие в самых непредвиденных ситуациях.

Не таков старший лейтенант, а позднее капитан Григорий Иванович Калтыгин. Он опытный боец, но у него есть и слабости, особенно когда в наличии имеется бутылка самогона, а рядом у печи суетится миловидная девушка. Григорий Иванович словно олицетворяет дух России. Он бессилен в бою, но при этом даст любому фору в застолье. Есть у него и другие черты, о которых автор пишет так: «Немаловажный штришок: Григорий Иванович не верил никому — ни отдельному человеку, ни какой-либо общественно-политической организации. Колхозников считал лодырями, однако же так называемую интеллигенцию бичевал за то, что она — на шее этих лодырей. Рабочий класс целиком состоял из прогульчиков и бракоделов, чему было множе-

ство доказательств: патрон заклинило — и Григорий Иванович мрачно изрекал хулу на пролетариат. Женщинам не доверял тем более, и сколько бы ими ни обладал, твердо знал: обманут при первой же возможности, а уж заявленьице напишут куда угодно. Особо ненавидел партийных работников, но мудро помалкивал».

Впрочем, какими бы ни были наставники у Лени и Алеши, с ними приходилось считаться, потому что больше положиться им было не на кого. Надо сказать, что поскольку все их задания были строго засекречены, им тоже пришлось изменить и имена, и биографии, и даже звания. Все их документы были переписаны. Алеша, который скрывал свое довоенное прошлое, был тому только рад, а вот Леонид потерял возможность писать письма родным — матери и любимой девушке. Теперь у него была совсем другая жизнь — полная приключений, но исключаяющая возврат к прошлому.

Леонид и Алеша действительно похожи на мушкетеров, их приключения невероятны ровно настолько, насколько это вообще возможно. К тому же для автора чрезвычайно важно, что друзья не теряют друг друга из виду даже тогда, когда судьба их разлучает. С окончанием войны их диверсионная деятельность отнюдь не подходит к концу. Вновь и вновь им приходится сталкиваться с опасностью. Но выработанный за годы войны некий моральный кодекс, согласно которому нужно уметь выручать товарища из беды, не дает им пропасть. Вот почему роман Азольского гордо возвышается над многими другими приключенческими романами. И вот почему его уместно сравнивать с одним из самых блестящих приключенческих романов, написанным когда-то Александром Дюма.

Действительно, дружба и чувство локтя — это именно те ценности, которые не устаревают никогда. У героев могут быть разные судьбы и разные мотивации. О том, что они разнятся характерами, говорить даже и не приходится — Леонид и Алеша отличаются друг от друга настолько сильно, что зачастую им это мешает. Но дружба, в основе

которой лежит взаимное уважение и даже восхищение, для них превыше всего. Потому-то они и выходят с честью из множества сложных ситуаций. Вместе с тем им не приходится оправдываться друг перед другом или краснеть из-за проявления малодушия, которое вообще им незнакомо.

Мы наблюдаем за друзьями сквозь призму авторского взгляда. Надо сказать, что отношение автора к своим героям вовсе не однозначно. Роман «Диверсант» отличается еще и довольно специфическим языком; многие обороты, которые использует Азольский, дают читателю понять, что порой он не прочь по-доброму посмеяться над своими героями.

Впрочем, таковы законы жанра, в котором в данном случае работает Азольский. Человек с таким послужным списком, как у Леонида или Алеши, не может не быть отчасти авантюристом. А авантюрист не может отчасти не быть плутом. Плут же вне зависимости от личностных качеств никогда не ходит прямыми путями. Вот и нашим героям, несмотря на то что они никогда не подводят друг друга, иногда приходится прибегать к хитрости. Вот тут-то автор и дает читателю возможность улыбнуться над возникающими в результате всего этого перипетиями.

Однако это вовсе не значит, что автор не восхищается своими героями. Он вполне отдает себе отчет в том, что пишет о трагических событиях в истории страны. Азольский очень тонко чувствует ту грань, за которой добрый юмор становится неуместным, и эту грань он никогда не переступает.

Возможно, ему удалось главное: совместить горечь и оптимизм в рамках одного произведения, которое прочитывается на одном дыхании. Азольский умеет быть разным даже внутри законченного текста. И именно это умение делает его роман по-настоящему многогранным, то есть именно таким, как сама жизнь, в которой с лихвой хватает и горя, и радости.

Виталий Грушко

1

Наш герой, влюбленный патриот и враль, рвется на фронт. — Прощание с Этери. — Первое звучание «мананы». — Жуликоватый незнакомец по имени Алеша подружится с ним. — Оба, с трудом верится, станут диверсантами высочайшего класса! — Даешь Берлин!

28 августа 1941 года мне исполнилось (как я уверил себя) шестнадцать лет, войне же было два месяца с неделей, войска наши отступали, показывая немцам спину, войска ждали человека, который остановит их, повернет лицом к подлому захватчику и обратит его в бегство. Таким человеком мог быть только я, Леонид Филатов, для чего и отправился в военкомат.

К этому дню, началу моей личной войны с Гитлером, я готовился пять лет. В Сталинграде должны помнить мальчика, бегавшего наперегонки с трамваем: так я воспитывал в себе выносливость, столь нужную защитникам республиканской Испании. Потом мы переехали в Грузию, и мне выпал редкий шанс: мать учила русскому языку местных школьников, а сыну ее разрешали прыгать через класс, вот почему я так быстро окончил среднюю школу. Как ни любили в районе мать, никто не решался отправить меня на фронт: непризывной год! Напрасны были справки о первом месте

на спартакиаде, о парашютных прыжках, о готовности с оружием защищать Родину. Но я наседал, умолял, требовал, и, чтоб отвязаться от меня, военкоматский майор пообещал: вот когда исполнится шестнадцать, тогда и...

И в день, назначенный майором, я покинул дом, бежал, оставив матери краткое послание, твердо указав, что вернусь победителем через год, если не раньше. Мать заседала где-то (наступал новый учебный год!), я смело полез в шкаф и надел единственный взрослый костюм, чтоб молодцом предстать перед майором, прикрутил и прицепил к лацканам нагрудные значки, и если что меня отягощало, так это — расставание с Этери, одноклассницей, которую я любил и которая любила меня, поклявшись до гроба хранить верность. Жили мы в райцентре, учительский дом часто навещался учениками, и мы решили, что Этери придет ко мне, благословит на ратные подвиги, и никто не узнает о нашем первом поцелуе. Время шло, я смотрел и смотрел в окно, а Этери все не было и не было. Сердце мое сжималось в тоске.

Да, сжималось и скорбело. Но я уже чувствовал в себе невесомость листочка, который вот-вот сорвется с ветки ураганом, бушевавшим над страной, над миром, и ветка легко расстанется с едва распустившимся плоским клейким побегом.

Окинув стены прощальным взглядом, я выбрался из дома и отправился на войну без напутствия любимой, догадываясь уже, что мать Этери воспротивилась прощанию. Губы мои шептали имя тоненькой девушки, которая была старше меня на два года, и если что и удерживало меня от слез, так это радость оттого, что наконец-то я иду защищать Отечество. Иду — высмеянный матерью, которая в запальчивости как-то сказала, что я — недоразвит, глуповат и вообще родился недоношенным.

До Зугдиди — три часа езды на арбе или тридцать минут на полуторке. Едва я приблизился к мостику через давно высохшую речку, как услышал звавший меня голос Этери, и мне стало мучительно нежно, сладостно, ноги мои подкосились. Я увидел Этери, выбежавшую из-под дырявого настила. Ручонки же ее сжимали флейту. Семья Этери славилась музыкальностью, порою приглашали и меня в свой оркестр, ни флейты, ни скрипки не доверяли, но я освоил маленькую гармошку, научился играть на зурне и семейный квинтет не портил.

Мы обнялись. Мы плакали. Впервые ощутил я губами гладь неродного женского тела, я прикасался к щекам Этери и к ее ушкам. Я почувствовал свой вкус винограда, когда наши губы сблизились, нарушая все запреты Этериной мамы. Рыдающая любимая сказала, что будет ждать меня до победного нового года и поэтому никуда из села не уедет, в институт не поступит, в техникум тоже, всю осень будет она помогать дяде Гиви собирать чай. Потом она отстранилась, и флейта исполнила песню, которую мы любили. Это была «манана», местная, как уверяла Этери, мелодия, из века в век передаваемая и сохраняемая, но я, всегда всем увлекавшийся, музыкой тоже, слышал в народном напеве этом нечто европейское, поэтому и мне, русскому, так легла на ухо эта грузинская песня.

Запылившаяся дорога (приближался грузовик) укоротила наше прощание, Этери нырнула под мостик... Обрывая все связи с прошлым, я на ходу вскочил в грузовик и выпрыгнул из него на окраине Зугдиди. Две лепешки, ломоть сыра и пачка убедительных бумаг лежали в узелке, расчищая мне дорогу на фронт. Я шел к светлому будущему, к победе, стремясь попасть в военкомат до того, как всеильный майор закроется в кабинете на обед. Присев на минутку перед штурмом цитадели, я вдруг обнаружил рядом с собою, на скамейке,

красноармейца без пилотки, парнишку чуть постарше моих лет, который проявил ко мне истинно мужское внимание, предложил закурить, получил отказ, но ничуть не обиделся и дружески похлопал меня по плечу. «Иду на фронт!» — не без гордости сообщил я, и красноармеец понятиливо кивнул так, будто речь шла о посадке на поезд в Тбилиси. «Алеша, — назвал он себя, протянув узенькую, но очень крепкую ладошку. — Из госпиталя», — добавил он, и я с уважением глянул на розовеющий шрам от уха к темени, начинавший прикрываться светлыми волосиками. Стираное-перестираное обмундирование на парнишке давно потеряло благородный зеленый цвет, на ногах — великанские ботинки, лихо закрученные обмотки были из едва ли не простынного материала. Да, вот он — истинный воин Красной армии, получивший ранение в смертельной схватке с подлыми захватчиками. И — развязность, естественная для человека, состоявшего при большом, трудном и опасном деле. «Куда спешить-то... — остудил красноармеец мой пыл, когда я попытался встать. — Никуда от тебя военкомат не убежит, везде заварушка с этими новобранцами, но ты-то ведь — доброволец...» С еще большим пренебрежением отнесся он к моим опасениям насчет скорого, до появления меня на фронте, полного разгрома врага и окончания войны. «Да оставят специально для тебя парочку немцев, — пообещал он. — Убьешь их и вернешься к мамаше. К ноябрьским праздникам не управишься, но уж ко Дню конституции — запросто...»

Так произошла наша встреча. Знать бы, какое петляние событий последует за этим знакомством, предвидеть бы неотвратимые итоги — и я в панике дал бы деру, сиганул бы в переулок, чтоб побежать к матери, заседавшей то ли в исполкоме, то ли в роно, спрятаться за нею, чтоб глаза мои не видели майора! Знать бы да ведать — да кто ж знает и ведает? И Алеша, загляни он в будущее, поерзал бы, наверное, на скамейке да потопал бы на

базар, где всегда есть чем разживиться, словом не обмолвившись с глупеньким школяром.

Оно и произошло бы так, не развяжись мой хвастливый язык. Ни с того ни с сего я стал врать, шепотом сказал бывалому пареньку-красноармейцу, что не просто на фронт еду я, а отправляюсь в специальную школу, после чего буду заброшен в тыл отступающего врага, стану взрывать мосты, поджигать склады с горючим и пускать под откос поезда, то есть делать все то, о чем просил Иосиф Виссарионович Сталин, когда 3 июля обращался к народу.

— Пускать под откос поезда... — задумчиво промолвил юный красноармеец, вслушиваясь в каждое слово свое. — Взрывать мосты... Поджигать... А ведь это очень опасно! — предостерег он меня и быстренько сунул руку в карман, откуда достал пилотку, а вслед за нею и пачку «Казбека»; дорогие папиросы эти явно не соответствовали облинявшим до рыжеватости брюкам и гимнастерке. Красноармеец острым как лезвие ногтем полоснул по оклейке коробки, раскрыл ее, извлек папиросу, поразил меня красивейшей зажигалкою в форме маузера калибра 6,35 (в оружии я разбирался), закурил и завел пустяковый разговор о девушках и танцах, о здешней мирной жизни, о родителях моих; проявлял скромное любопытство, вдохновляя меня на подробности уважительными интонациями, округляя в восхищении глаза. Я все более проникался его интересом ко мне и без утайки рассказал об отце, умершем три года назад, о матери, преподававшей в Сталинграде немецкий язык, а здесь — русский, о моих достижениях в спорте и о неукротимом желании повернуть ход войны вспять, гнать немцев до Берлина. Лишь об Этери умолчал я, святое имя так и не слетело с моих губ...

Красноармеец Алеша услышанным не удовлетворился. Развязав мой узелок и понюхав сыр, он принялся изучать мое школьное свидетельство, комсомольскую

характеристику, многочисленные удостоверения к нагрудным значкам за умение стрелять, бегать, работать ключом на коротковолновых станциях, прыгать, плавать и взбираться на кручи. Особое внимание уделил он Почетной грамоте «За отличную стрельбу тремя патронами», сообщив невероятное: ни единого патрона к винтовке он на фронте не получил; правда, добавлено было им, в казенной части винтовки зияла просверленная дыра. Прочитал он справку и о том, что мною окончены радиокурсы, а бумажкой этой я очень гордился, она, по моему мнению, открывала мне досрочный путь в армию, как, впрочем, и пять значков на пиджаке. Особое внимание уделил он моему пропуску — с фотографией — в радиотехнический кружок при техникуме. Зато журнал «Радиофронт» не удостоился его пытливого внимания, хотя там на странице 16-й излагалась суть моей переписки с редакцией. Правда, фамилия моя (Филатов) подменилась сокращением «читатель Ф-ов».

Все узнал он обо мне и о людях, меня окружавших. Не только фамилии, но и прозвища учителей стали ему известны. Допытался он и до того, что нагрудный значок парашютиста получен мною не совсем праведным путем, потому что прыгал я всего-то — с вышки в городском парке. Проверил красноармеец и мой немецкий язык, высоко оценив не только его: он заявил, что немцы, попади я к ним в плен, ни под какими пытками не вытащат из меня военную тайну.

— При отсутствии у них переводчика, — добавил он. А затем поднял на меня глаза и со вздохом промолвил: — Да тебе сиднем сидеть бы еще в детском саду... Шестнадцать лет, говоришь?.. Пятнадцать, — угадал он. — Если не меньше.

Я густо покраснел — так густо, что ушам стало жарко. Он прав был, красноармеец Алеша: в выкраденном мною девственном школьном свидетельстве датой рождения поставлен был август 1926 года, а если присмо-

треться к метрике, то следы подчистки обнаружались бы. Я, сам того не подозревая, проявил черты будущего политического деятеля государственного масштаба, ибо совершенно искренно полагал: чем нравственно выше и благороднее цель (защита Отечества), тем допустимее обманы, мелкие подлости и вообще нарушения всего и вся (в том числе и желания защищать Отчизну).

— Но, — задумчиво продолжал Алеша, — если б тебе наступало девятнадцать и ты уклонялся от призыва, то был бы разоблачен немедленно. А как ты есть непризывной и лезешь сдуру добровольцем, то никто не всмотрится в цифры...

Он долго вглядывался в меня, еще раз густо покрасневшего. Видимо, красноармеец Алеша гадал: что я еще напортачил?

— Небось авантюрной литературки подначитался, а? Как же, как же... «Пятнадцатилетний капитан» — это не про тебя?

Перебрав все документы в узелке и завязав его, паренек в красноармейской форме погрузился в долгое раздумье, и предметом его дум не мог не быть я. Паренек думал сосредоточенно, и было приятно сидеть рядом с ним, думающим. Такое же чувство приятности испытывал я в Сталинграде, когда часами смотрел на отца, что-то писавшего в своем кабинете.

Напряженная работа мысли дала наконец плоды, красноармеец пощупал борт еще отцу купленного костюма, глянул на мои скороходовские ботинки и насмешливо произнес:

— Хорош матерьяльчик... Ишь вырядился... Никак, на первомайскую демонстрацию. Сколько, по-твоему, дней добираться до этих спецкурсов? — спросил он так, что я понял: не одни сутки придется ехать.

Никаких спецкурсов, напомним, майор мне не обещал. Отражая однажды мой очередной наскок, он выразился туманно: отправлю тебя, мол, на какие-нибудь курсы допризывной подготовки.